

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Застенчивая «Женщина-вамп»

Лироиня сегодняшней публикации – представительница первого призыва нового «Сатирикона» – относится к тому типу актрис, которых сцена меняет кардинально. В обычной жизни Ли́ка Нифонтова проста, естественна, открыта, приветлива и даже немного застенчива. Выходя на сцену, она превращается в яркую красавицу, обладающую мощным обаянием и таинственной притягательной силой. Такой была ее Гертруда в «Гамлете» – порочная страдалница и бесконечно любящая нежная мать. Такой стала ее роскошная, брюловско-рубенсовская Фортуната с поволокой во взоре в «Синьоре Тодеро – хозяйне». Впрочем, яркой характерностью и чувственностью обладали все ее героини: за 20 с лишним лет работы в «Сатириконе» она сыграла их предостаточно. И, что случается в театре не так часто, в основном это были большие роли: и драматические, и комедийные. С ней работал и сам Константин Райкин, и все те, кого он приглашал в свой театр: Александр Горбань, Владимир Машков, Елена Неvejeва и любимый актрисой Роберт Стурюа. Райкин говорит о Лике Нифонтовой: «Играла главные роли, она может выйти в маске и быть самой лучшей».

Ее имя навеивает мысли об Антоне Павловиче. Но ни Чехова, ни любимого Горького ей пока сыграть не пришлось. Эти роли впереди.

– Лика, как в вас проникла театральная «зараза»?

– Мой отец – актер Самарского ТЮЗа, СамАрта. Мы с ним объездили огромное количество городов. Большую часть юности я прожила в Тбилиси, где училась в хореографическом училище. Потом была школа в Ростове-на-Дону, а позднее – Шукшинское училище. На четвертом курсе я «показалась» Константину Райкину, который сразу позвал меня в театр. Он в меня поверил, я согласилась и очень скоро поняла, что интуиция меня не подвела.

– Каждый молодой актер неизбежно сталкивается с необходимостью выходить в массовке и ролях «кушать подано». Прошли ли вы эти огни-воды?

– Массовки, конечно, были. Но я сразу стала репетировать большие роли. И поначалу, в силу возраста, не очень понимала всей сложности того, что на меня свалилось. Может быть, потому что я сразу почувствовала, что «Сатириконт» – это мой театр. У нас есть свои проблемы, но этот театр живой. Благодаря Косте у нас всегда в репертуаре хорошая драматургия, здесь работают интересные режиссеры.

– Как вы думаете, почему Райкин без колебаний решил, что вы – его актриса?

– Наверное, сам Костя на этот вопрос ответил бы лучше. Он очень много смотрит актерских показов, и, наверное, анализирует. Чем я ему «показалась»? Может быть, тем, что я не заиклена на себе, готова к диалогу с режиссером, мне всегда интересно пробовать что-то новое. А для него это очень важно, он не любит заикленных актеров. Он ценит, когда актеры пробуют работать на сцене «телом». Я, например, не люблю на репетициях долго разговаривать. Мне важно пробовать все ногами. Так что я надеюсь, мы с Константином Райкиным друг друга поняли и понимаем по сей день.

– Актёры, как известно, в отличие от людей других профессий ненасытны до работы. У вас за 20 лет в этом смысле не было разочарований: я хочу играть, а мне не дают?

– Нет. Конечно, каждому актеру хочется играть больше, но я отношусь к этому философски. Понимаю, что надо заниматься собственной душой, не торопиться, не пытаться везде успеть и что-то ухватить. Надо ждать интересной работы и быть к ней готовой.

– Были ли еще какие-то судьбоносные фигуры в вашей творческой жизни?

– Конечно, Роберт Робертович Стурюа. Это вообще – отдельная история в моей жизни. Мне кажется, он очень хорошо почувствовал мою актерскую индивидуальность и развил ее. Мне не нужно, чтобы Стурюа долго мне что-то внушал. Достаточно, если он намечает направление – я тотчас его понимаю.

– А бывало ли, что вы яростно возражали режиссерам?

– Нет, я не люблю спорить с режиссерами. Если не выходит, вино, прежде всего, себя. Когда же становится неловко, я не говорю: давай, дескать, милый, выдумай мне что-то другое! Я пытаюсь показать, как бы я хотела. И если режиссер видит, что это тоже возможно, то мы сходимся.

– А бывало ли так, что приходилось, ломая себя, подчиняться?

– Не сказала бы, что ломала себя, но были тяжелые роли. Например, в 31 год я получила

роль матери взрослого сына. Это было в пьесе «Такие свободные бабочки». Ее ставил Константин Аркадьевич, а он требователен и конкретен в работе. Я изо всех сил старалась понять образ этой сильной и строгой мамы, хотя мне было нелегко, может быть, в силу возраста. Но сейчас я понимаю, что он был прав.

– Вы упомянули сильную мамашу. А что интереснее играть – сильные натуры или слабые?

– Сильный человек достаточно реализован в жизни. А мне интереснее слабые существа. Потому что в слабом характере можно найти много перепадов, драматизм и трагизм, надрыв и излом. Именно поэтому мне было очень интересно, когда Роберт Стурюа предложил мне Гертруду в «Гамлете». Ее обычно играли сильной женщиной, а он ее задумал слабой, и это мне было безмерно интересно. Хотя я люблю и комедийные роли. Потому что для актера это отдельное удовольствие – вызывать у зрителя смех, улыбку. Сразу чувствуешь отдачу публики. Ведь в серьезных ролях эту отдачу можно ощутить только, когда в зале тишина. Тогда ты понимаешь, что «попал».

– После Гертруды, Фортунаты в «Синьоре Тодеро» и других ролей, вас стали называть «женщиной-вамп». В этом есть доля истины, потому что ваши героини всегда страстные, чувственные, в них страсть преобладает над разумом. Некоторых из них называли роскошными роковыми искусительницами. Эта тема близка вам как актрисе?

– Это все благодаря Роберту Стурюа. Он вообще очень чувствует женские образы, они у него все очень чувственные, очень сексуальные. Так что мы получаемся такими роскошными только благодаря мудрому Стурюа. (Смех). Кстати, когда я прочитала «Синьору Тодеро», то подумала, что Фортуната – это совсем не мое. Но когда за дело берется такой великий Мастер, то ты можешь быть уверена: он тебе предлагает роль не зря, и работа не будет проходной.

– Свойственна ли вам такая же страстность в жизни?

– Я в жизни – человек очень спокойный, стараюсь не демонстрировать свои страсти, держать их в себе. На сцене – другое дело. А что касается чувственности, то будем надеяться, что она есть во мне.

– Кстати, мне кажется, что вы в этом смысле очень близки тому направлению в театре, которое сейчас называется «новой драмой», где все гораздо более откровенно, чем в классическом театре. Вы никогда не хотели попробовать себя в этом направлении?

– Я с удовольствием попробовала бы, если бы появилось предложение от хорошего режиссера. Я вообще не мечтаю о ролях. Мне важнее встретиться с интересным режиссером. Ведь может быть и хорошая пьеса, и хорошая роль, но при отсутствии контакта с режиссером работа не получится. И – с точностью до наоборот: в средней пьесе, во второстепенной роли при наличии диалога с режиссером работа может получиться очень интересной. Поэтому если хороший режиссер предложит мне «новую драму», я с удовольствием соглашусь. Но мне ближе классика: особенно Шекспир. А из русских драматургов мне нравится Горький. Я бы с радостью сыграла в любой его пьесе. Но боюсь, что они никогда не появятся на сце-

не «Сатирикона».

– А Чехов? Мне кажется, что вы бы могли здорово сыграть, например, Аркадину.

– Передайте это, пожалуйста, при встрече моему художественному руководителю. (Смех).

– Удалось ли вам вместе с Владимиром Машковым проникнуть в стилистику брехтовского театра в работе над ролью Джинни-Малины в «Трехгрошовом опере»?

– Мне кажется, что эта роль мне не удалась. Но я привыкла валить на себя, думать, что дело во мне прежде всего. Наверное, я что-то в ней не нашла. И это жалко, потому что Брехт – очень интересный драматург, хотя не могу сказать, что любимый мной. Пожалуй, это была единственная работа за 20 лет, в которой я не смогла что-то придумать.

– Есть ли режиссеры, с которыми вы хотели бы поработать?

– Стурюа я сразу выношу за скобки: любой актер понимает, какое это счастье – работать с ним! Я с удовольствием поработала бы, например, с Кириллом Серебренниковым. Очень жалею, что не получилось встретиться в работе с Юрием Бутусовым, а он поставил уже два спектакля в нашем театре. Ну, и конечно, я открыта для молодых режиссеров, которые только-только начинают что-то делать.

– А могли бы вы прийти к Райкину и сказать: хочу, дескать, поработать с Серебренниковым, с Бутусовым? Пригласи их поставить что-нибудь для меня!

– В нашем театре такое невозможно. Хотя, конечно, лукавлю. Я просто не смогла бы это сделать в силу своего характера. Не могу потребовать себе роль.

– Кстати, вы сами затронули эту опасную тему, и я за нее уцепилась. Поначалу, когда возник «Сатириконт», можно было слышать разговоры о том, что актеры труппы – это только «фон» для Райкина. Сейчас, вроде, таких разговоров уже не ведется.

– Слава Богу, что нет. В какой-то период жизни «Сатириконт» Костя понял, что для того, чтобы театр был жив, надо приглашать крупных режиссеров, брать первосортную драматургию. А если хорошая драматургия, значит, не может быть так: одна роль настоящая, а остальные – на подтанцовке. А для хороших ролей нужны актеры, которые их будут играть. Райкин – молодец: постоянно смотрит выпускников театральных училищ и формирует очень сильную труппу.

– Не кажется ли вам «самоуправством» худрука снятие с репертуара еще очень крепких спектаклей, в частности тех, в которых вы играли главные роли?

– Я к этому отношусь философски. Когда, несколько лет назад, был снят мой первый спектакль, я не знала, как к этому относиться. Думала: значит, это у меня все плохо получается? Потом поняла, что к такой политике театра просто надо привыкнуть. И ждать новых работ.

– А как вы относитесь к старым ролям?

– Отвечу так: люблю играть первые спектакли. Признаюсь честно, я не очень люблю репетировать и долго играть спектакль. А что касается старых спектаклей, то я отдаю должное актерам, которые 10-15 лет выходят на подмостки в одной и той же роли, но понимаю это с

трудом. А если еще и удастся сохранить спектакль живым, им просто надо памятник ставить. Ведь ты, конечно, пытаешься себя «накручивать», но с каждым годом после премьеры это становится все тяжелее. У нас в репертуаре семь названий. Поэтому, если кто-то хочет посмотреть, надо не пропустить.

– А сами вы часто ходите в театры?

– Стараюсь почаще. Мне просто необходимо подпитываться яркими спектаклями. Но если попадаю на плохой спектакль, то просто физически заболеваю. Поэтому выбираю с осторожностью.

– А когда репетируете, смотрите ли тех актрис, которые играют ту же роль в других театрах?

– Нет, я сознательно не хожу на другие спектакли. Например, я очень люблю Ирину Купченко, которая репетировала Гертруду в то же время, что и я. Но я не пошла, потому что это мне помешало бы. Мне важно быть в своей «коробочке»: я, режиссер, наша команда...

– У вас в театре много молодежи. А скоро придет еще человек двадцать, сыгравших «Страну любви». Как вы оцениваете эту молодую поросль?

– Они – очень хорошие ребята. Мы относимся друг к другу с уважением. Они видят, что мы все на равных, что в нашем театре нет звездности. Потому что этого качества нет в Косте. Он – работяга.

– Неужели вы как ведущая актриса не чувствуете порой брошенных на вас исподтишка завистливых взглядов?

– А чему завидовать? У каждого своя работа. А самое главное, что мы друг другу говорим все откровенно. И не стесняемся друг друга хвалить, когда нам нравятся работы коллег.

– А бывает, что критикуете друг друга?

– Самое страшное – это работа актера над ролью партнера. (Смех). Мы это знаем и поэтому держим дистанцию. Хотя я с удовольствием бы услышала от коллег и режиссеров, что во мне «не так».

– Не могу обойти вопрос о кино. Вам повезло: вы снимались в хороших фильмах своего мужа Сергея Урсуляка. А вообще это искусство для вас столь же интересно и значительно, как и театр?

– Я очень рада, что Сережа доверил мне роли в своих фильмах. Надеюсь, я все делала, как нужно. Сережа очень хорошо работает с актерами, правда, со мной он иногда бывал достаточно резок. Он очень хорошо чувствует актера, понимает, что такое актерский организм. Наверное, потому что сам был актером, кстати, тоже в «Сатириконе». Я не могу сказать, что стала настоящей киноактрисой и что кино стоит для меня на том же уровне, что и театр. Может быть, я еще не смогла полностью раскрыться на экране... Здесь ведь должен быть развит особый профессионализм. Ты должен включаться сиюминутно, с полоборота. А мне интереснее копаться, вынашивать роль, как это и происходит в театре.

– Не могу не продолжить тему вашего семейного творческого союза с Сергеем Урсуляком. Как вы думаете, оказывает ли вы друг на друга влияние как люди искусства, полезно ли для вас это сотрудничество?

– Не знаю, полезен ли наш союз для искусства (смех), но, по-моему, он полезен и мне, и Сереже. В этом году мы отметили наш двадцатый совместный Новый год. Конечно, в нашей семье Сережа – главный. Но он молодец: никогда не выпячивает свою работу и с уважением относится к каждой личности в нашей семье. Например, когда я выпускаю спектакль, он берет в свои руки хозяйство. И наоборот, когда у него тяжелые периоды в работе, я освобождаю его от быта.

– Ну, раз мы развиваем семейную тему, то не могу не спросить об одной молодой звезде по имени Александра Урсуляк.

– Я очень рада, что вы задали этот вопрос, потому что во многих изданиях писали, что Саша – наша общая с Сергеем дочь. Но она дочь Сережи от первого брака. Другое дело, что она с двух лет растет, можно сказать, на моих глазах. Я ее считаю очень одаренной актрисой, очень ее уважаю и люблю. У нас с Сережей есть и общая дочь – Даша, которой в апреле будет 16 лет.

– Что было бы, если бы театр исчез из вашей жизни?

– Думаю, было бы печально. Потому что для человека очень важно самореализоваться в профессии. Это дает силы и для того, чтобы отдавать себя семье. А она занимает самое важное место в моей жизни.

Вопросы задавал Павел Подкладов

Экран и сцена –